

ЕГЕРЬ. СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

Николай Скиба

Егерь. Турнир. Книга 7

«Автор»

2026

Скиба Н.

Егерь. Турнир. Книга 7 / Н. Скиба — «Автор», 2026

Воздух пахнет хвоей, вокруг июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Скиба

Егеръ. Турнир. Книга 7

Глава 1

Четыре месяца спустя...

Дождь со снегом барабанил по окнам здания гильдии независимых лекарей, превращая улицу в месиво грязи и луж.

Каждый удар капель о стекло отдавался глухим стуком, словно сама природа пыталась пробиться сквозь стены к теплу и свету.

Через запотевшее стекло виднелись очертания Оплота Ветров — шпили ночного города терялись в серой пелене непогоды. Но даже сквозь завесу дождя пробивались яркие всполохи редких праздничных огней.

Разноцветные искры магии плясали в воздухе, отражаясь в лужах и создавая иллюзию затопленного звёздного неба под ногами прохожих.

Этот независимый город славился лишь одним местом — огромной ареной, которая была построена ещё до Раскола. Прошло сотни лет, прежде чем Оплот Ветров стал нейтральной территорией, где начали проводить Турнир.

Так сложилось.

Мика всегда считал это бредом. Лучший турнир континента проходит среди бандитов, наемников и постоянного гнёта.

И сейчас город готовился к «Турниру Четырёх Корон» — Звероловы и Мастера королевств собирались здесь, чтобы определить сильнейших представителей континента. Воздух был пропитан предвкушением великого зрелища: запахом жареных орехов с торговых лотков, вспышками магии от проезжающих мимо боевых питомцев и сладким ароматом дорогих духов знатных дам.

В эту неделю количество убийств и грабежей почти сводилось к нулю. Бандам хватало ума не высовываться против сильнейших Звероловов континента.

В эти дни по центральным улицам разъезжали кареты знатных баронов, привезших на турнир своих лучших Мастеров и Звероловов. Гербы на дверцах блестели — золотые драконы, изумрудные фениксы, трёхглавые химеры с жалом на хвосте.

Пф, все эти несуществующие звери...

А ведь скоро придут и короли, до турнира всего пара дней осталось.

Эх, событие, которое приносило в независимый город наёмников баснословные деньги. Многим.

Но не Мике.

Красочные афиши зазывали зрителей, обещая невиданные зрелища и схватки легендарных питомцев. На одной из них изображался огромный крылатый тигр, пожирающий молнию, на другой — стая ледяных волков, бегущая по воздуху.

А здесь, в далёких трущобах ремесленного квартала, на отшибе города, где ютились мастерские и дешёвые лавки...

Что ж, здесь праздник ощущался лишь как далёкий блеск за окном.

Узкие улочки тонули в грязи, пропитанной запахом дублёной кожи, железа и пота. Вывески над дверями покосились от времени и ветра, краска облупилась, обнажая потемневшее дерево.

Здесь не было места позолоте и гербам — только будничная работа людей, которые зарабатывали на хлеб мозолями на руках.

Мика сжался в углу лечебной секции, стараясь не привлекать внимания. Деревянный ящик, на котором он сидел, врезался в спину острыми краями, но он не смел пошевелиться.

Уже третий месяц парнишка перебивался случайными заработками в этой гильдии, получая гроши за самую грязную работу — мытьё клеток, уборку за животными, переноску тяжёлых мешков с кормом.

Его руки были исполосованы царапинами от звериных когтей, спина ныла от постоянного таскания тяжестей, а одежда пропиталась въедливым запахом псарни, который не выветривался даже после стирки. Хозяин держал его из жалости и только потому, что платить можно было копейки.

Но сейчас дело было серьёзным.

Мастер-целитель Велимир стоял над столом, где лежала Чешуйчатая Гончая — редкий зверь с переливающейся чешуей вместо шерсти. Каждая чешуйка играла радужными бликами, создавая эффект живого драгоценного камня.

Эту красоту уродовала глубокая рана на боку животного, из которой медленно сочилась тёмная кровь.

Велимир был мужчиной средних лет, с тщательно подстриженной бородкой и руками, которые никогда не знали грубой работы. Его пальцы украшали кольца — каждое стоило больше, чем Мика мог заработать за год. Белое одеяние целителя было безупречно чистым, на груди красовался золотой значок Независимой Гильдии Лекарей.

На плече у Велимира сидел его питомец — Светляк-целитель, крошечное создание размером с ладонь, похожее на помесь стрекозы и светлячка. Его полупрозрачные крылышки мерцали мягким зеленоватым светом, а из брюшка исходило целительное сияние. Обычно одного прикосновения этого зверька хватало, чтобы вылечить питомца.

— Давай, Луч, — скомандовал Велимир, указывая на рану. — Сделай как обычно, Зверолов из Золотого Королевства не поскупится.

Светляк послушно перелетел к гончей и сел прямо на края раны. Его свечение усилилось, омывая чешуйчатое тело тёплым зелёным светом. Мика видел, как напряглось насекомое — питомец вкладывал в лечение всё, что мог.

Несколько долгих секунд рана оставалась неизменной. Потом края начали медленно затягиваться, новая плоть нарастала слой за слоем. Но процесс шёл мучительно медленно — то, что обычно занимало минуту, растягивалось на десятки. Светляк дрожал от напряжения, его свечение стало тускнеть.

— Проклятье, — процедил Велимир, хватая изнемогающего питомца до того, как тот упал от истощения. Пот выступил на лбу Мастера — такого он ещё не встречал. — Здесь яд трупного асида. Это ж надо было вызвать на дуэль Зверолова с таким зверем... Ткани не просто порваны, они гниют заживо. Мой «Свет» только кормит заразу, ускоряя распад.

Мика сглотнул, чувствуя, как сердце ускоряет ритм. Он знал, что означает такой диагноз для любого зверя.

Гончая слабо дышала, её глаза были полуприкрыты, но в них ещё теплилась жизнь. Чешуя потускнела, потеряв радужный блеск, и теперь напоминала тусклое железо. Каждый вдох давался ей с трудом — грудь вздымалась неровно, с болезненными паузами.

— Усыпить, — решил Велимир, потягиваясь к полке с ядами. Стекланные пузырьки звякнули друг о друга. — Проще купить новую тварь, чем возиться с этим. Тем более сейчас, когда весь город набит приезжими покупателями. А у нас все лекари заняты, да и кого я сейчас найду, ночью...

Мика почувствовал, как в животе скручивается холодный узел. Гончая лежала на столе, и в её глазах читалась боль — та же, что он видел в глазах больных животных на улицах.

Жалко зверя.

А ещё... если он сможет помочь, Мастер отблагодарит его. Может, не щедро, но хоть что-то. В кармане звенели последние медяки — две потёртые монетки, которых едва хватит на еду для сестры.

Воспоминания о жизни в приюте нахлынули волной, и парень поморщился.

Они с Никой были круглыми сиротами в вольном городе наёмников — Оплоте Ветров, где каждый сам за себя. Хоть оба и были звероловами, но ими никто толком не занимался. В опасные леса детей не пускали, а обучение сводилось к одной фразе: «вырастешь, выйдешь из приюта и делай что хочешь». Да и было не до того Мике — всё время уходило на уход за больной сестрой. Тяжко жилось, очень тяжело.

Не повезло.

— Подождите, — выдавил он, поднимаясь со своего места. Голос дрожал, но слова прозвучали чётко. — Может, я смогу помочь?

Мастер обернулся, оглядывая его с нескрываемым презрением. Взгляд проскользнул по залатанной одежде, задержался на мозолистых руках.

Велимир поморщился от запаха.

Лекарь видел перед собой человека, которого держат только из милости — грязного мальчишку на побегушках, осмелившегося заговорить с настоящим Мастером.

— Ты? — фыркнул Велимир, и в его голосе слышалось не только презрение, но и удивление дерзости. — Ты здесь чтобы убраться после лечения. Опять за своё? Ты хоть представляешь, сколько стоит эта гончая? Больше, чем ты заработаешь за всю свою жалкую жизнь.

Мика сжал кулаки, чувствуя, как гнев поднимается из глубины груди. Но сдержался — гордость не накормит и не даст крышу над головой.

— Старый способ, — тихо произнёс он, не отводя взгляда от умирающего животного. — Без магии.

— Варварство, — поморщился целитель, словно услышал предложение есть сырое мясо руками. — В Оплоте только дикари режут живую плоть, да и то - неумело. Мы — цивилизованные люди, у нас есть питомцы. Зачем прибегать к такому методу? Откуда ты вообще это умеешь?

— В приюте учился, — Мика слотнул, понимая, что рискует потерять и эту жалкую работу, но правды не сказал. Не сказал, что он *видит* проблему животного и почему-то просто знает, что делать.

Велимир мог одним словом выбросить его на улицу, и никто не заступится за безродного сироту без связей и денег.

Но собственные способности не давали покоя, потому Мика не промолчал.

А вот про свой дар хватило ума не говорить.

— Пять минут, — попросил он, и голос его стал тверже. — Если не получится — делайте что хотите. Но гончая всё равно умрёт, если ничего не предпринимать. Вы же знаете, я могу. Уже видели один раз.

Велимир секунду колебался, барабанил пальцами по столу. Его глаза отражали внутреннюю борьбу между жадностью и брезгливостью.

Жадность победила.

— Развлекайся, мальчишка, — махнул он рукой с видом человека, готового позабавиться зрелищем. — Но, если не выйдет, больше сюда не показывайся, понял? И чтобы ни капли крови на мои одежды не попало!

Мика подошёл к столу на трясущихся ногах, чувствуя на себе насмешливый взгляд Мастера. Каждый шаг отдавался в висках молотком — от страха, волнения и отчаянной решимости. Он внимательно осмотрел рану, стараясь прочувствовать всё, не ошибиться!

Нике нужно лекарство...

Парень плеснул спирт на руки, морщась от жжения в мелких царапинах. Потом щедро полил свои инструменты, которые всегда носил с собой.

Глубоко вдохнул и погрузил пальцы в рану. Тёплая, липкая кровь обволокла кожу. Гончая слабо дернулась.

Вот оно. Его пальцы, ведомые странным чутьем, нащупали в месиве плоти упругую, скользкую трубку. Артерия была не порвана — её стенку разъело ядом, и каждый удар сердца выталкивал кровь в полость раны.

Мика выругался про себя. Пришлось импровизировать. Он пережал сосуд пальцами левой руки, чувствуя бешеное биение угасающей жизни. Правой рукой подцепил иглу.

Это была ювелирная работа — прошить скользкую, пульсирующую трубку вслепую, в глубине раны. Почему-то Мика знал, что никто на такое не способен.

Раз. Петля.

Два. Узел.

Он медленно убрал палец. Фонтан крови иссяк.

— Господи, да что ты сделал? — проворчал Велимир, отступая подальше. — Сшил, как дырявый мешок?

Теперь самое грязное. Мика взял нож. Чёрная гниль по краям раны должна уйти. Он резал уверенно, отсекая мертвую ткань до появления здоровой, алой сукровицы.

— Ты срезаешь половину мышцы! — возмутился Мастер.

— Я срезаю смерть, — отрезал Мика. Пот заливал глаза, щипал немилосердно, но он лишь мотнул головой, стряхивая капли в сторону, на пол. Нельзя занести грязь — это он тоже почему-то просто знал.

Сшивать чешую было нельзя — игла сломается.

Он подцепил иглой прямо под кожей, стягивая края раны изнутри.

Первый стежок лёг криво — игла дрожала в пальцах от волнения. Мика сжал зубы и заставил себя успокоиться. Второй стежок получился лучше. Третий — ещё лучше. Постепенно он входил в ритм, забывая о презрительных взглядах Мастера, о холоде вокруг, об опасности потерять работу.

— Да уж, — пробормотал Велимир, с брезгливым любопытством наблюдая за процедурой. Он отворачивался, когда игла прокалывала плоть, и снова поворачивался, притягиваемый странным зрелищем. — Эта кровь, эти... внутренности... Мерзость.

Наконец последний узелок был затянут. Мика осторожно убрал руки и посмотрел на результат. Шов выглядел грубо и неаккуратно по сравнению с магическим исцелением, но держался крепко. Кровотечение полностью остановилось.

— Готово, — сказал он, вытирая дрожащие руки о тряпку. Пальцы были красными, под ногтями забила кровь, а на одежде появились новые пятна.

Велимир уже шагнул к столу с довольной ухмылкой, собираясь закончить дело, но Мика вдруг резко перехватил его взгляд.

— Есть ещё кое-что, уважаемый Мастер, — хрипло произнес парень, кивнув на швы. — Это не всё. Я остановил поток, но там внутри всё держится на честном слове.

— О чём ты? — нахмурился Велимир, замерев с занесенной рукой.

— Там всё рыхло, яд почти доел. Нитки долго не удержат, — быстро, чеканя слова, пояснил Мика. — Прикажите своему Светляку работать точечно. Пусть не тратит силы на кожу. Ему нужно как бы сплавить ткани прямо поверх моих швов. Понимаете?

Велимир моргнул, переваривая услышанное. Грязный мальчишка указывал ему, как использовать его же магию? Но зачем спорить, если это принесёт деньги?

— И еще, — добавил парень, видя, что Мастер прислушивается. — Не закрывайте рану сразу. Я вырезал черное мясо, но зараза уже впиталась глубже. Если Светляк просто затянет

кожу сверху, внутри получится плохо. Как бы сказать... Появится зараза, потечёт. Пусть сначала выжжет всё в глубине, между мышцами.

— Ты меня учить вздумал? — фыркнул Велимир, но в голосе не было прежней уверенности.

Он склонился над животным, осторожно касаясь его лба ладонью. Светляк на его плече зажужжал, меняя спектр свечения с мягкого зеленого на интенсивный, почти белый. Мастер, следуя инструкции, направил поток силы вглубь, минуя поверхностные слои.

— Сплавить... выжечь заразу... — бормотал он под нос, концентрируясь.

Золотистые искры магии заплясали вокруг раны, проникая сквозь грубые стежки Мики. Парень с облегчением увидел, как из глубины разреза пошел легкий дымок — магия уничтожала остатки инфекции, до которых не добрался нож.

Глаза Мастера расширились от удивления.

— Живёт! — признал он с неохотным изумлением. — Пульс стабилизируется. Примитивно, варварски, отвратительно на вид, но... работает. Тебе опять повезло, пацан.

Мика пожал плечами, не зная, что ответить. Для него это было обычным делом — остановить кровь, зашить рану, дать животному отдохнуть. Но среди врачей такое воспринималось как грязное деяние, недостойное цивилизованного человека.

Мастер достал из кошелька горсть медных монет и брезгливо бросил их на стол рядом с окровавленными инструментами, стараясь не касаться их даже взглядом.

— Вот твоя награда, мальчишка, — сказал он, уже возвращаясь к своему обычному высокомерному тону. — И запомни — это исключение. В следующий раз думай дважды, прежде чем лезть не в своё дело. А теперь убирайся и приведи себя в порядок. Ты воняешь кровью, как мясник.

Мика собрал монеты дрожащими пальцами — их было больше, чем он получал за неделю обычной работы.

Медь была тёплой и тяжёлой в ладони, давая ощущение безопасности. Сегодня он сможет купить не только хлеб, но и нормальную еду, может быть, даже позволит себе кружку горячего эля в таверне, где подрабатывал.

А большую часть этих денег отложит на лекарство сестре. Отлично!

Выходя из секции, Мастер напоследок остановился. Чешуйчатая Гончая на его руках ровно дышала, чешуя понемногу возвращала себе радужный блеск.

— Прибери здесь всё, — бросил Велимир, унося питомца довольному хозяину.

Дверь закрылась с глухим щелчком, оставив Мику одного в лечебной секции, пропитанной запахами крови и лекарственных трав.

Парень выждал несколько секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам Мастера по скрипучему коридору, затем расслабился и оглядел царящий вокруг хаос.

Зрелище было не для слабонервных. На столах валялись окровавленные бинты, обрезки магической плоти различных размеров и форм — одни переливались неестественными оттенками синего и зелёного, другие источали слабое свечение даже после смерти.

Лужицы запёкшейся крови образовали тёмные корки, которые отслаивались от поверхности стола. В углу стояло ведро с мутной жидкостью, где плавали кусочки магических реагентов.

Конец смены...

Обычный человек поморщился бы от одного вида этого месива, кто-то побежал бы вон, а кого-то и вовсе стошнило бы. Но Мика лишь деловито засучил рукава своей простой рубахи и принялся за работу с видом опытного ремесленника.

Для него это не мерзкий мусор — это... Пища.

Ценная, полезная еда, насыщенный остаточной магией.

Мика методично сгребал отходы в железное ведро, его движения были точными и экономными. Пальцы не дрожали, сам он не морщился, собирая скользкие кусочки плоти.

Ни капли отвращения на молодом лице, никакой брезгливости в жестах. За долгие годы практики «лекаря-варвара» он просто привык к подобным зрелищам.

Ведро звякнуло, когда очередной кусок насыщенной плоти упал на дно с влажным шлепком. Мика старательно соскабливал засохшие корки крови ногтем, собирая даже самые мелкие частички.

Каждая крошка была важна — его бесполезный питомец не привередничал в еде.

Он буквально жрал всё подряд. Бесполезный, да... Но питомец. И Мике он почему-то нравился.

Воздух в подсобке постепенно терял свою магическую плотность с каждой минутой его работы. Парнишка работал неторопливо, но эффективно, время от времени отряхивая руки.

Наполнив ведро до краёв останками Гриворыла, который не пережил сложную процедуру лечения ещё несколько часов назад, он поставил его на пол. Потом прошёл в угол и взял свою небольшую кожаную сумку.

Мика бережно развязал её, стараясь не делать резких движений — его спутница не любила, когда её тревожили без нужды.

— Проголодалась, девочка? — тихо спросил он, заглядывая внутрь сумки. — Сегодня у нас особенно питательный ужин. Мастер пытался спасти Гриворыла, но магия была слишком нестабильной.

На дне, устроившись на подстилке из мягкого мха, сидела самая обычная на вид болотная жаба.

Размером с мужской кулак, покрытая характерной бородавчатой зелёно-коричневой кожей. Выпуклые жёлтые глаза с чёрными зрачками-щёлочками лениво вращались в глазницах.

Ничем не примечательная амфибия, какие сотнями водятся в любом болотце.

Тина.

Так он назвал её много лет назад. Когда жаба подняла голову и посмотрела прямо на него, в её жёлтых глазах мелькнул голодный интерес к магической энергии, исходящей от ведра.

— Настоящий пир, Тина, — тихо усмехнулся Мика, осторожно доставая из ведра кусок плоти размером с куриное яйцо. Магия в ней ещё тлела слабыми искорками.

Жаба замерла, её дыхание участилось — единственный признак возбуждения.

Кожа на горле мерно пульсировала, а ноздри раздулись, чувствуя запах крови. Когда кусок оказался всего в нескольких сантиметрах от её мордочки, произошло нечто поистине удивительное.

Пасть Тины начала растягиваться.

Челюсти разошлись под совершенно немыслимым углом, почти на сто восемьдесят градусов, и изнутри донёсся едва слышный гул.

То, что открылось взору, противоречило всем законам природы. Пасть казалась бездонной пустотой, где искрились остатки поглощённой ранее магии.

Влажный, чавкающий звук наполнил подсобку.

Кусок магической плоти начал медленно исчезать в невероятной пасти, его собственное свечение затухало, будто вся энергия высасывалась прожорливой утробой. Мика заворуженно наблюдал, как горло Тины раздувалось, принимая форму добычи, а затем мгновенно сжималось, полностью растворяя плоть.

— Хорошая девочка, — одобрительно кивнул Мика и потянулся за следующим куском.

Ритуал продолжился. Один за другим кусочки плоти исчезали в ненасытной утробе Тины. Каждый раз воздух в комнате становился чище от магической энергии, а сама жаба незаметно увеличивалась в размерах.

За полчаса Тина поглотила все останки Гриворыла. Целое ведро биологических остатков исчезло в её утробе без следа.

— Превосходно, — довольно сказал Мика, осторожно поправляя мох в сумке. — Завтра Мастер ожидает доставку раненного Ледяного Волка. А скоро будет турнир, дуэлей будет — сотни! Даже просто на улицах! Можно сказать, что у тебя будет пир на весь мир.

Тина довольно квакнула.

Мика бережно завязал сумку. Его план работал идеально — биологические остатки магических питомцев кормили Тину, а сам он ничего не нарушал.

Жаль только, что питомец был первой ступени и ничего не умел. Но когда он нашёл её ещё в детстве, не мог пройти мимо — такова была суть парнишки. Так и растил её, уже лет десять, всё пытаясь понять, что он делает не так. Но все Звероловы пожимали плечами — никого не интересовала глупая, тупая жаба.

Мика поправил сумку на плече, чувствуя, как Тина сонно шевелится внутри, переваривая пир.

Монеты приятно звякнули в кармане.

Выйдя из здания гильдии, он сразу окунулся в холодный ночной воздух.

Дождь всё не унимался, превращая узкие улочки ремесленного квартала в настоящие реки грязи. Каждый шаг отдавался противным хлюпающим звуком, холодная жижа просачивалась сквозь потрёпанные подошвы его сапог, добираясь до самой кожи.

Мика поёжился и натянул капюшон глубже, стараясь укрыться от назойливой влаги.

По дороге домой он остановился у лавки торговца съестным — во время турнира они работали постоянно. Старик с жёлтыми от табака зубами взвесил добротный кусок копчёной свинины и буханку свежего хлеба — роскошь, которую Мика не мог себе позволить уже несколько недель. Запах заставил желудок болезненно сжаться от голода.

— Деньги-то есть? — процедил торговец, подозрительно оглядывая грязную одежду покупателя.

Мика молча рассчитался.

Их ночлежка располагалась в самом убогом квартале города — там, где даже городская стража появлялась редко, предпочитая не связываться с местными «авторитетами». Впрочем, таких районов хватало. Прилично выглядел только центр, вокруг арены. Место, где и проходил турнир.

Деревянные постройки клонились друг к другу под тяжестью лет и запустения. Крыши текли бесчисленными протечками, а между домами тянулись верёвки с развешанным тряпьем, которое в этой сырости никогда полностью не высыхало, источая кислый запах плесени.

Лужи отражали мутный свет редких фонарей, превращая улицу в россыпь жёлтых пятен. Где-то в переулке пьяно пели.

Поднявшись по скрипучей лестнице, которая угрожающе прогибалась под ногами, Мика толкнул дверь их комнаты. Замка у них не было — красть было решительно нечего, да и воры предпочитали более богатые цели.

— Ника? — тихо позвал он, ступая на проржавевшие половицы.

То, что он увидел, заставило его замереть на пороге, а продукты чуть не выпали из онемевших пальцев.

Девушка лежала на узкой кровати, и её состояние катастрофически ухудшилось с утра. Кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок. Губы стали почти синими, а под глазами залегли фиолетовые тени. Но самое страшное было другое — по шее Ники тянулась зловещая чёрная сетка вздувшихся вен.

Паутина тьмы медленно расползалась по коже, пожирая её изнутри.

«Чёрная кровь», — мрачно подумал Мика, ставя продукты на шаткий стол. Такое происходило с сестрой и раньше, в приюте. Редкое осложнение, которое медленно отравляло орга-

низм, превращая кровь в яд. Без специального лекарства у неё было от силы несколько недель, а потом... мучительный конец.

— Мик? — слабо открыла глаза Ника, с трудом поворачивая голову. Голос был хриловатым, еле слышным.

— Да, я здесь, — Брат присел рядом с кроватью на единственный стул, стараясь не показать охватившего его ужаса. Он осторожно коснулся её руки — кожа была холодной и влажной от пота. — Как самочувствие?

— Лучше не стало, — честно призналась она, попытавшись улыбнуться. Но улыбка вышла болезненной, искажённой гримасой боли. — Голова кружится, а в груди... словно что-то грызёт изнутри. Стало только хуже.

Мика мысленно выругался и полез в тумбу за последним лекарством. Откупорил флакон и осторожно, придерживая голову сестры, влил всё без остатка.

Эффект был моментальным. Чёрные нити отступили, и кожа девушки вернула здоровый цвет.

— Ника! Ну почему ты не приняла лекарство?

— Я... — она тяжело вздохнула. — Я не могла встать, прости, Мик. Лучше скажи как у тебя дела? Заработал что-нибудь, «жабий мастер»?

Мика невольно улыбнулся прозвищу, которое сестра дала ему. Он похлопал по кошельку, где приглушённо звякнули медные монеты.

— Сегодня повезло. Помог Мастеру с особенно сложным случаем, — он старался говорить бодро. — Скоро куплю лекарство, и тебе станет ещё лучше. Обещаю. Сейчас лавки закрыты, но старый алхимик поможет. Всегда помогал, ты же знаешь. У нас денег на пару недель легко хватит. Представляешь? Появится время, чтобы заработать ещё чуть-чуть.

Ника слабо кивнула.

Тяжёлые шаги на лестнице прервали их тихий разговор.

По звуку Мика понял — поднимается несколько человек, их сапоги гулко стучат по деревянным ступеням, и идут они явно к ним. В этом квартале мало кто наносил визиты из вежливости, особенно в такой поздний час.

Грубые голоса, звяканье оружия, запах дешёвого табака, проникающий даже сквозь щели в двери...

БАХ!

Дверь распахнулась без предупреждающего стука, ударившись о стену с мощным грохотом.

На пороге появились трое мужчин в кожаных куртках, пропитанных дождём и потом. На груди каждого красовался символ местной банды — ржавый крюк.

Чёртовы «Ржавые Крюки».

Они собирали дань с жителей этого района под видом «платы за защиту». Обычно они появлялись не чаще раза в месяц, в строго определённое время.

Но сегодня что-то было не так.

Главарь — Зверолов по кличке «Зверь». У него аж два питомца второй ступени! Коренастый такой мужик с глубоким шрамом через всю левую щеку — окинул взглядом убогую обстановку. Его взгляд задержался на больной девушке, на скудной еде и потёкших стенах. Губы растянулись в презрительной усмешке.

— Привет, детишки, — его голос звучал насмешливо, с характерным хрипом. Из рта несло кислым перегаром. — У нас тут новости.

— Какие? — осторожно спросил Мика, не вставая с места у кровати.

— Налог повышается, — главарь достал из кармана небольшой свиток, явно для важности момента. — Турнир скоро, понаехало всякой швали со всех королевств. Приходится

усиливать охрану района, нанимать дополнительных людей. Теперь с каждой души — шесть серебряков в месяц.

Мика почувствовал, как сердце провалилось куда-то в пятки, а в ушах зазвенело. Лихорадочно пересчитав в уме заработанные монеты, он с ужасом понял — их совсем не хватит на новую сумму налога.

Чтобы ещё раз так повезло и Мастер подпустил к питомцу? Невозможно. Не так часто!

И что теперь, заплатить, а про лекарство для Ники забыть?

— Понимаю, что сумма выросла, — продолжал Зверь, внимательно наблюдая за изменившимся выражением лица парнишки. — Но что поделаешь. Времена тяжёлые.

— А если... если мы не сможем сразу? — тихо спросил Мика, хотя внутренне уже знал ответ. В голосе слышались нотки мольбы, которые он не смог скрыть.

Взгляд главаря медленно переместился на больную девушку, скользнул по её измождённому лицу, по обнажённым болезнью плечам. В его глазках мелькнуло что-то хищное и расчётливое.

— Не сможете? — он улыбнулся, обнажив кривые зубы. В этой улыбке не было ни капли человечности. — Ну тогда придётся забрать твою сестричку, пока не заплатишь. Не хочется конечно, но знаешь, Мика, сколько сейчас понаехало богатеньких на турнир? Барончики, купцы, всякая знать... Не заплатишь, продам девку, да и всё. Даже в таком болезненном состоянии она может принести неплохую прибыль. Есть любители... экзотики. Особенно когда товар долго не проживёт. Ну или выброшу вас и сдам комнату, желающие найдутся. Турнир всё-таки!

Ника слабо сжалась на кровати, инстинктивно пытаясь укрыться тонким одеялом. А Мика почувствовал, как ледяной холод разливается по венам.

Он прекрасно понимал, о чём говорит бандит, Зверь уже не раз угрожал подобным образом.

Это были такие частые угрозы, что парень даже не разозлился. Привычная жизнь. Нужно выполнять условия. Они бы давно убежали и попытались счастья в другом месте, вот только сестра была совсем слаба. А бросать её Мика не собирался.

— Сколько времени у нас есть? — хрипло спросил он.

— Пара дней есть, так уж и быть, — главарь повернулся к выходу, явно довольный произведённым эффектом. — И никаких отсрочек, парень. Деньги или девчонка. Твой выбор. Подумай хорошенько.

Бандиты ушли, оставив дверь нараспашку.

Мика неподвижно сидел и сжимал кулаки до боли в суставах.

— Мик... — слабо позвала Ника, протягивая к нему дрожащую руку. — Не переживай. С тех пор как нам исполнилось восемнадцать, ты всегда заботился о нас. Прости, что моя болезнь вдруг усилилась в последний год. Может быть, найдётся ещё способ... И мне станет лучше.

Мика посмотрел на её осунувшееся лицо и понял...

Либо он отдаёт все деньги и смотрит, как Ника умирает от болезни.

Либо надо что-то делать.

Глава 2

После того как Мика дал сестре последнюю дозу лекарства, Ника уснула. Но спала девушка беспокойно, временами всхлипывая во сне. Её кулачки сжимались. Чёрные пятна полностью ушли, но всё это временно.

Мика понимал, что болезнь медленно, но верно отвоёвывала новые территории.

— Я вернусь позже, — прошептал он, поправляя на ней тонкое одеяло.

Ткань была настолько изношенной, что в некоторых местах просвечивала насквозь. Мика осторожно заправил край под худенькое плечико сестры, стараясь не разбудить её.

Дыхание было ровным — единственное, что давало надежду в этом проклятом мире.

Парень взял с крючка у двери свою старую куртку — единственную, которая у него была — и вышел в ночную темноту трущоб, осторожно прикрыв за собой дверь.

Оплот Ветров не спал. Даже в этот поздний час город кипел жизнью, словно гигантский муравейник, потревоженный палкой.

Турнир Четырёх Корон превратил обычные улицы в арену праздника, который не знал границ. Откуда-то далеко доносилась музыка — скрипки и флейты играли весёлую мелодию, под которую хотелось танцевать.

Мика поморщился. Музыка была для тех, у кого были деньги на развлечения.

Он шёл по узким переулкам, стараясь держаться теней.

Здесь, в отдалённом ремесленном квартале, дома стояли вплотную друг к другу, их покосившиеся крыши почти смыкались над головой, превращая улицы в тёмные туннели.

Вонь была привычной — смесь помоев и дыма от очагов. Но даже сюда доносились звуки веселья из центра города — смех богачей, пьяные выкрики гостей турнира.

Этот контраст поражал, но Оплот Ветров был единственной нейтральной территорией, способной провести Турнир. Это продолжалось сотни лет и именно во время этих масштабных событий местные жители зарабатывали большую часть своих денег.

Зато было относительно безопасно — город находился под стражей королевств. А если приезжали короли!..

Мика вдруг улыбнулся.

Хотя бы эту неделю можно не особо переживать. Уже завтра Оплот Ветров наполнится сильными воинами.

Под ногами хлюпала грязь — вечная спутница бедных кварталов. Дождевая вода смешивалась с нечистотами, создавая липкую жижу.

Парень давно привык к этому ощущению холодной сырости между пальцев ног.

Чем ближе он подбирался к богатым кварталам, тем ярче становились улицы. Грязь постепенно уступала место замощённым булыжником дорогам, а вонь — ароматам пекарен и лавок с пряностями.

Фонари со «светляками» горели через каждые десять шагов — невиданная роскошь, которую могли позволить себе только торговцы и знать. Каждый такой питомец стоил дорого.

— Блин, — Мика привычно опустил голову и ускорил шаг. Здесь ему не место. Один взгляд на его одежду, потёртые башмаки и исхудавшее лицо выдавал в нём нищего из трущоб. А нищие даже в таких кварталах в канун турнира вызывали подозрения — не вор ли, не попрошайка ли, не шпион ли чужого королевства.

Мимо прошла группа нарядно одетых господ, их смех... звенел.

Чёртовы богатеи, даже не знают, какого это, жить впроголодь.

Женщины были в шёлковых платьях ярких цветов...

Такие красивые.

Они даже не заметили тощего парня, словно он был частью каменной стены.

Таверна «Победитель Арены» располагалась в самом сердце торгового квартала, в массивном трёхэтажном здании из красного кирпича.

Стены были такими толстыми, что могли выдержать осаду.

Над входом почему-то болтался металлический сапог размером с человека, и никто не знал в чём смысл. Краска на нём облупилась, обнажая ржавые пятна.

Мика обогнул здание, осторожно обходя лужи.

Где-то в темноте пискнула крыса.

Чёрный ход располагался в глубокой нише, скрытой от посторонних глаз. Здесь пахло помоями, прокисшим элем и рыбной требухой. Дверь была приоткрыта, и оттуда вырывался поток горячего воздуха, насыщенного паром и запахами кухни.

Внутри слышались громкие голоса кухарок и металлический стук посуды.

— Опять опоздал, сопляк, — буркнул трактирщик Гордон, едва Мика переступил порог.

Толстяк стоял у длинного деревянного стола. На этом столе горой лежали грязные кружки — некоторые ещё с пеной засохшего эля, другие с остатками какой-то бурой жижи, которая когда-то была тушёным мясом. Лысина Гордона блестела от пота, апередник превратился в живописную картину из пятен жира, пива, соуса и крови от разделки туш. Маленькие глазки недовольно сверкали в глубоких складках жира.

— Извините, — ответил Мика, хватая с крючка тряпку. — Сестра...

— Мне плевать на твою сестру, — оборвал его трактирщик, его голос стал ещё более раздражённым. — Мне нужны чистые столы в зале. Там полно народу, все пьют, а некоторые ещё и дерутся. А у меня всего два уборщика, и второй тоже где-то шляется!

Слюна брызгала изо рта толстяка.

Мика кивнул и направился к двери, ведущей в основной зал. За спиной послышалось недовольное бурчание и звук разбивающейся посуды — видимо, кто-то из кухарок уронил тарелку.

Когда парень открыл дверь, звук ударил его как физическая волна.

Десятки голосов сливались в сплошной гул, над которым возвышались пьяные выкрики, непристойные песни, звон кружек о деревянные столы и скрип половиц под ногами посетителей.

Эта таверна была не для знати — для простых постояльцев и зрителей турнира, хоть и находилась ближе к «хорошим» кварталам.

Воздух был настолько густым от табачного дыма и паров эля, что резало глаза и першило в горле. Сквозь эту смесь пробивались ароматы жареного мяса, лукового супа и медового пирога.

Таверна была набита битком.

Большинство гостей были приезжими, судя по разнообразию одежды.

Мика взял ведро с водой и принялся протирать столы, стараясь быть незаметным. Это была особая наука, которую он осваивал почти год — двигаться так, чтобы тебя не замечали, но при этом качественно выполнять работу.

Нужно было рассчитывать каждый шаг, каждый поворот головы, каждое движение руки.

За годы жизни в приюте, где часто приходилось драться, он освоил её в совершенстве.

— ...говорю тебе, у этого парня каменный тигр — он тёмная лошадка турнира, — доносились с ближайшего стола между глотками эля. — Видел своими глазами на тренировке вчера. Зверь весь из камня, будто статуя, а движется как живой! Когти у него длиннющие, а рык такой, знаешь, как у жены моей, ха-ха-ха!

Говоривший был рыжебородым мужчиной лет сорока, в добротном жилете. Татуированные руки были покрыты шрамами.

— Да ладно, — отвечал ему краснощёкий мужчина. — Я вот другого парнишку видал странного. Он регистрировался на турнир, а когда спросили какие у него питомцы — сказал,

что простая кошка, ха-ха-ха-ха! Идиот. Кого только не тащат. Ну а чё, монетки есть зарегистрироваться, папашка богатый, вот и несёт кого ни попадя. На что надеяться?

Он демонстративно фыркнул, расплескав эль из кружки.

— А вы ставки-то видели? — вмешался третий, худощавый тип с длинными волосами. — Говорят у девчонки из Золотого королевства есть мантикора! Вот куда я поставлю. Там уже полтора к одному идёт. А утром было два к одному. Кто-то явно знает больше нашего, и этот кто-то вкладывает серьёзные деньги.

Мика осторожно протёр стол рядом с ними, делая вид, что полностью поглощён работой. На самом деле он внимательно прислушивался — за годы выживания научился ловить каждое слово.

Информация о фаворитах турнира его лично не интересовала, но иногда пьяные языки болтали о вещах поважнее — о деньгах, долгах, тайных сделках. А ещё случалось, что богачи роняли кошельки или забывали мелочь на столах.

— А помнишь того чудика, что вчера там что-то вынюхивал, но на турнир не регистрировался? — захихикал четвёртый собутыльник, толстяк с тройным подбородком. — С ним целая толпа была — какая-то древняя бабка, пара здоровенных парней, девки симпатичные... Ох, там одна желтоглазенькая, с чёрными волосами, уф-ф-ф, я бы с ней отдохнул. А вообще у парня больше свиты, чем питомцев! Наверное, думает, что старая кляча его защитит!

Зал взорвался пьяным смехом. Кто-то даже стукнул ладонью по столу от восторга.

— Да-да! — подхватил голос с соседнего стола. — Видел эту картину! А может и не регистрировался, потому что та бабка не захотела биться?! Ха-ха-ха.

— Может, она и есть его главный питомец? — выкрикнул совсем пьяный голос из глубины зала. — Редкая ступень — ворчливая старуха! Умение — колотить палкой хозяина!

Смех стал ещё громче и грубее. Кто-то стукнул кружкой по столу так сильно, что эль расплескался во все стороны, заливая деревянную поверхность липкой лужицей.

— А питомец у него вообще был? — спросил ещё один голос.

— Да вообще зверей не было!

— Ну и придурков заносит! Похоже и правда бабку выставит!

Мика поморщился и продолжил работу, стараясь не показывать своего отвращения к этим людям. Они издевались над чьим-то несчастьем или наивностью, словно это было лучшим развлечением в мире. Впрочем, ему было не до чужих проблем. У него были свои, и куда более серьёзные.

Он механически переставлял тяжёлые кружки, собирал крошки хлеба и остатки мяса, вытирал лужи пролитого эля, которые оставляли липкие следы на тряпке.

В голове крутились цифры: сегодня он заработает с десятков медных монет за ночь работы. Зато на той операции удалось добыть побольше! Невероятная удача, всего у него было накоплено...

Он мысленно пересчитал.

Недостаточно. Всё равно недостаточно.

— Эй, парень! — окликнул его молодой мужчина за соседним столом.

Мика обернулся и увидел парня лет двадцати с небольшим в добротной одежде. Волосы аккуратно подстрижены, руки ухожены, но на них видны мозоли честного труда. Явно торговец, и судя по всему, преуспевающий.

Рядом с ним на столе сидел небольшой зверёк размером с кулак, покрытый ярко-синей шерстью. Огромные глаза — они занимали почти треть круглой мордочки — внимательно следили за каждым движением посетителей таверны с почти человеческим любопытством.

Крошечные лапки выглядели совершенно непропорционально остальному телу, словно их приделали к живому мячику. Мика таких никогда не видел, но понял — питомец дорогой и, вероятно... Опасный?

— Подойди сюда, — добавил торговец, жестом указывая на стул напротив.

Мика приблизился и проигнорировал приглашение. Просто начал протирать стол, стараясь не смотреть прямо на странного зверька. Синий питомец внезапно подался вперёд, принюхиваясь к нему. Влажный нос коснулся тыльной стороны ладони — прикосновение было неожиданно тёплым.

— Фукис редко проявляет интерес к людям, — заметил торговец, наблюдая за поведением своего питомца. — Знаешь, он обычно силу в питомцах чует. Однажды я послушал друга и не прогадал с выбором. А ты его прямо заинтересовал... Странно это.

— Не знаю, — тихо ответил Мика, продолжая работать.

— Скажи-ка, парень, ты местный? — тихо спросил молодой человек.

— Да.

— Ответь, кто тут у вас самый лучший лекарь зверей? У меня есть знакомый, его питомец чуть захворал.

— Мастер Велимир из гильдии независимых лекарей, — сказал Мика тихо, продолжая работать. — На улице Медной Подковы, дом с зелёными ставнями. Питомец у него — светляк, очень опытный в лечении и анализе.

Торговец одобрительно кивнул и бросил на стол медную монету.

— За хороший совет, — сказал он, но не торопился отпустить парня. — Но есть более важный вопрос. А ты случайно не знаешь, есть ли тут те, кто лечит не питомцами, а сами? Иглами? Не прибегая к магии? Умеют шить раны и тому подобное?

Мика напрягся, его рука невольно сжалась на тряпке. Сердце забилось чаще.

Неужели кто-то узнал о его способностях? Или это ловушка?

— Таких не знаю, — твёрдо ответил он, стараясь, чтобы голос звучал убедительно.

Молодой торговец улыбнулся. Не с усмешкой — скорее понимающе.

— Мне можно доверять, парень. Я сам торговец, знаю цену хорошим мастерам. Понимаю, подобное лечение сейчас редкость и дикость, но порой оно бывает единственным спасением...

Мика покачал головой, стоя на своём:

— Не знаю таких.

Фукис тем временем продолжал кружить вокруг него, принюхиваясь к рукам и одежде. Серебристые усики подрагивали, улавливая какие-то неуловимые для человека запахи.

— Интересно, — задумчиво протянул торговец, наблюдая за питомцем. — Фукис часто чувствует то, что скрыто. У него особый талант находить... ценности.

Он помолчал, потом наклонился ближе, понизив голос:

— Не буду давить. Но если будет что сказать — найди меня в центральной части города, в таверне «Единорог». Получишь десять серебряков.

Ого! Мика на мгновение застыл, в голове мелькнула безумная мысль — эти деньги решили бы все проблемы! Лекарство, еда, тёплая одежда, жильё получше! Двойной заработок!

Но здравый смысл быстро охладил эйфорию. Слишком много денег за слишком простую информацию. Наверняка ловушка.

Он молча кивнул, сунув медную монету в карман.

— Эй, торгаш! — грубый пьяный голос раздался сбоку. — Что тут шепчешься с мальчишкой?

К столу подошли двое подвыпивших мужиков — один рыжебородый, второй с золотыми зубами. Оба были покрупнее торговца и явно искали развлечений.

— Может, делишься секретами? — захохотал рыжий. — Или мальчишку покупаешь? Мы таких как ты не любим...

Мика сжался. Блин, как это всё случилось?

Но неизвестный даже не ответил.

Он просто щёлкнул пальцами.

Воздух над столом мгновенно вспыхнул красным светом.

Два огненных смерча закрутились по бокам от торговца, принимая форму волков. Пламя сгустилось, обрело плотность, и через секунду на полу стояли два зверя из живого огня.

Их глаза горели как угли, из пастей вырывались языки пламени.

Третья ступень зверя!

Вся таверна замолчала. Даже самые пьяные отрезвели от шока. Пьяницы отшатнулись так быстро, что один из них споткнулся и рухнул на соседний стол, расплескав эль.

Молодой человек спокойно поднялся, огненные волки послушно исчезли в красных искрах.

— Приятного вечера, — сказал он Мике и направился к выходу, а Фукис семенил следом, всё ещё оглядываясь на парня.

Мика проводил их взглядом, пытаясь совладать с дрожью в руках. Третья ступень... Такие люди не разбрасываются монетами просто так. Что он хотел от него на самом деле?

Поскольку стычки тут были обычным явлением, о недоразумении тут же забыли — лишь посудачили о невероятной силе питомцев.

Парнишка быстро ушёл вглубь зала и продолжил обходить столы, собирая обрывки разговоров как нищий собирает объедки. Руки почему-то дрожали, но не от страха, а от мыслей.

Чёрт, столько монет предложили!

Ведь он может так лечить, так почему промолчал? Нет-нет, слишком подозрительно. Ничего не бывает просто так.

Большинство посетителей вернулись к обсуждению турнира — кто фаворит, на кого ставить, какие звери участвуют. Кто-то обсуждал цены на питомцев — редкие боевые звери стоили целые состояния. Кто-то — политические интриги между королевствами, торговые договоры, слухи о готовящихся войнах. Всё это было далеко от мира Мики. Мира голода, холода и постоянного выживания.

Воздух становился всё более густым и душным, но парнишка продолжал работать. Остановливаться было нельзя — Гордон следил за своими работниками зорким глазом и не терпел лени. Время тянулось медленно — каждая минута казалась часом.

Где-то в глубине зала началась потасовка — пьяные голоса стали громче, слышался стук кулаков по столу и звук падающих стульев. Но драка быстро закончилась — здесь работали опытные стражники, которые умели успокаивать буянов без лишнего шума.

Ещё бы — два Зверолова с питомцами второй ступени! Которые даже не дёрнулись, когда тот торговец призвал волков.

Мика усмехнулся своим мыслям.

И вдруг тяжёлая дверь распахнулась с громким, протяжным скрипом.

Поток холодного ночного воздуха ворвался в душный зал.

В таверну вошёл Харон.

Мика мгновенно узнал его — долговязую фигуру в тёмном плаще было невозможно спутать с кем-то ещё. Но дело было не только во внешности.

Вокруг этого человека витала аура силы.

Разговоры в зале замерли не постепенно, а разом — словно кто-то мгновенно перерезал все голосовые связи.

Даже самые пьяные подняли головы, инстинктивно почувствовав присутствие хищника.

Глубинные Ходоки появлялись в цивилизованном мире крайне редко. Большинство посетителей таверны впервые видели такого человека живём.

Харон был легендой среди наёмников и авантюристов — одним из тех безумцев, кто регулярно спускался в самые глубокие, проклятые части Раскола и каким-то чудом возвращался живым.

Говорили, что он видел вещи, от которых седели волосы и трескался рассудок.

Сейчас легенда выглядела... непривычно.

Его обычно безукоризненный чёрный плащ висел лохмотьями.

Капюшон был откинут, обнажая лицо. На нём читался холодный профессионализм, который столкнулся с чем-то неординарным. Тёмные волосы слиплись от засохшего пота. На левой щеке виднелся свежий шрам — тонкая красная линия, словно кто-то провёл по коже лезвием.

Но хуже всего были глаза.

Мика видел много испуганных людей — в приюте страх был постоянным спутником, в трущобах он въедался в души. Но то, что читалось в глазах Харона, было чем-то иным. Предельная настороженность человека, который встретился с чем-то за границами известного мира. Взгляд охотника, осознавшего, что сам стал добычей.

Харон неторопливо прошёл через зал к барной стойке. Посетители расступались перед ним, подчиняясь древнему инстинкту. Даже самые храбрые наёмники в зале смотрели на него со смесью благоговения и страха. Это было ожидаемо — ведь у него имелись питомцы четвертой ступени.

— Огненную воду, — произнёс Харон, опускаясь на высокий стул у стойки.

Голос звучал хрипло. Трактирщик Гордон, который обычно грубил даже дворянам, молча достал из-под стойки особую бутылку — ту самую, которую берегли для исключительных случаев.

Когда Гордон наливал прозрачную жидкость в небольшой стакан, по залу разнёсся крепкий запах концентрированного спирта. Такое пили только самые закалённые завсегдатаи или те, кому нужно было очень быстро согреться после долгого пути по холоду.

Харон взял стакан твёрдой рукой и залпом выпил содержимое.

— Ещё.

Гордон молча повиновался. По всему залу слышались только далёкие звуки кухни. Десятки людей в ожидании затаили дыхание.

После третьего стакана огненной воды — дозы, способной свалить здорового мужчину — Харон выпрямился на стуле.

Рыжебородый осторожно откашлялся. Его голос чуть дрожал:

— Харон... что стряслось? Вы выглядите так, словно встретили что-то... необычное.

Ходок медленно повернулся на стуле.

— Встретил, — произнёс он негромким голосом. — И теперь знаю, что мир изменился.

Толпа подалась вперёд. Мика не был исключением.

— Рассказывайте! — крикнул кто-то из дальнего угла. — Какого зверя встретили?

Харон покачал головой и сделал знак Гордону налить ещё.

— Не зверя, — выдохнул он. — Нечто гораздо страшнее.

Зал погрузился в абсолютную тишину. Мика замер с тряпкой в руках, чувствуя, как волосы встают дыбом на затылке.

— Позавчера я был в ледяном гроте, — начал Харон ровным, повествовательным тоном профессионала, — что у подножия Огненной Горы. Слыхали про такое место?

Несколько человек кивнули. Мика слышал об этом месте — Ледяная Могила, как называли её в народе.

— Пещера из льда, что не тает столетиями, даже рядом с вулканом, — продолжил Харон спокойно. — Глубоко в зоне максимальной опасности.

— Только дело вот в чём... — Ходок сделал паузу, окидывая зал внимательным взглядом. — Пещера больше не ледяная.

Один из наёмников фыркнул:

— Не может быть. Мы, конечно, там не были, но слухи ходили, что это вечный лёд.

Харон повернулся к нему с выражением терпеливого учителя, объясняющего очевидное.

— Так думал и я, — произнёс он размеренно. — Пока не решил укрыться там от стада вепрей. Лёд исчез. Испарился. Словно его никогда не было. Грот стал обычной пещерой. И он полон разложившихся трупов.

Воздух в таверне стал гуще. Харон невозмутимо продолжал, как будто описывал погоду:

— Горы трупов, да. Магические твари таких ступеней, о которых вы только мечтаете. Много мёртвых Звероловов. Один сожжён белым пламенем. Не таким, какое у огненных тварей. Видели когда-нибудь, как выглядит плоть после такого жара?

Он окинул взглядом притихший зал.

— Она становится серой, но сохраняет форму. Можно подумать, что существо просто спит... пока не коснёшься. Тогда оно рассыпается в прах.

Кто-то в зале тихо выругался. Харон кивнул с пониманием:

— Но самое интересное — с каждой туши мёртвых питомцев были изъяты все ценные части. Сердца магических зверей, редкие железы, кристаллизованная кровь... Вырезаны, не выдраны. А тела разодраны такими когтями и навыками, что, кажется, это был кто-то один. Но кто владеет льдом, пламенем и ветром? А при этом и такими огромными когтями, что могут человека пополам разрезать, а?

Толстяк с тройным подбородком нервно рассмеялся:

— Звучит как байка про Зверомора! Все знают, что это сказки!

Холодный, оценивающий взгляд Ходока переместился на него.

— Сказки? — Харон встал со стула. — Недотёпа... Слушай меня внимательно. Если такую тварь встретишь, делай только одно. Беги. И не оглядывайся. Ибо то, что я там видел...

Он сделал паузу, обводя зал взглядом профессионального охотника.

— Ни один из известных зверей такого не совершит. Это даже не Альфа.

Мика отступил к стене. Харон продолжал с холодной уверенностью:

— Несколько месяцев назад что-то проснулось в глубинах Раскола.

Его голос стал тише, но люди в зале слышали каждое слово:

— Мир изменился, господа. И тем, кто хочет выжить, стоит это понять как можно быстрее. Мне на вас плевать, я пришёл согреться, но раз спросили... Что ж, ведь когда-то я сам вырос в Оплоте Ветров. Что бы ни случилось в глубинах того грота, поверьте. Битва была мощная. Думаю, что окажись я там — не выжил бы. Не ходите в том направлении даже в зону средней опасности. И тут, в городе, осматривайтесь.

Зал погрузился в гробовое молчание — Харона знали все, и к его словам прислушались. Если Глубинный Ходок говорит «берегись», значит ухо нужно держать востро. И неважно, что бывает он тут раз в десятилетие.

— Ой, — выдохнул вдруг трактирщик. — Харон, если даже подумать, что Зверомор существует, чего бы ему делать в Оплоте Ветров, да ещё и на турнире? Сейчас здесь сильнейшие приручители всех королевств.

— Я пришёл выпить огненной воды, — пожал плечами Ходок. — Дальше сами думайте. Такая тварь может одним навыком убить разом вас всех.

Его взгляд скользнул по притихшему залу и неожиданно остановился на Мике. Глубинный Ходок смотрел на него несколько секунд, словно пытаясь что-то вспомнить. Потом его глаза сузились.

— Эй, парень, — позвал он негромко. — Подойди сюда.

Сердце Мики замерло. Внимание такого человека редко приносило что-то хорошее. Но послушаться было невозможно — когда Глубинный Ходок зовёт, ты просто приходишь.

Парнишка осторожно подошёл к барной стойке, стараясь не встречаться глазами с Хароном. Грязная тряпка в руках казалась единственной защитой от этого пронзительного взгляда.

— Я тебя знаю, — сказал мужчина задумчиво, изучая лицо парня. — Приют, верно? Ты тот самый пацан, что лет семь назад заштопал блудливого пса.

Мика удивлённо поднял глаза. Он действительно помнил тот день, когда спас собаку прямо на улице. И помнил, как какой-то незнакомец дал им денег на лекарство для Ники.

— Вы помните? — выдохнул он.

— Да, — кивнул Харон и усмехнулся без особой радости. — И что же, парень? До сих пор возишься с грязью? Думал, у тебя хватит ума вырваться из этой ямы.

В голосе Ходока не было презрения, скорее разочарование. Словно он ожидал большего от мальчишки, которому когда-то помог.

— Жизнь не всегда идёт по нашим планам, — ответил Мика спокойно, пожимая плечами.

Философское смирение в его голосе заставило Харона внимательнее посмотреть на парня.

— Правду говоришь, — согласился Ходок после паузы. — Мир штука непредсказуемая.

Харон окинул зал внимательным взглядом, затем повернулся к Мике:

— Пойдём, парень. Поговорить надо.

Он направился к выходу, но толстяк Гордон вдруг вскинул свою мясистую руку:

— Куда это вы моего работника тащите? У меня столы немытые, посуда грязная...

Харон остановился. Медленно поднял взгляд на трактирщика. На мгновение его глаза вспыхнули ярким красным светом.

— Хочешь поспорить с Глубинным Ходок? — спросил Харон спокойным, почти мягким тоном.

Толстяк мгновенно отдернул руку. Словно обжёгся. Красное свечение погасло так же быстро, как и появилось — всего доля секунды, но этого хватило, чтобы Мика заметил.

— Н-нет, конечно... Забирайте, забирайте...

Харон кивнул и жестом указал Мике на дверь. Парнишке хватило ума не спорить.

Ночной воздух ударил в лицо холодом. Улица была пустой — лишь далёкие огоньки фонарей мерцали в тумане. Где-то вдалеке доносилась музыка и пьяные голоса, но здесь, в узком переулке за таверной, царила тишина.

— Подойди ближе, парень, — негромко сказал Харон, оглядываясь по сторонам.

Когда Мика приблизился, Ходок достал из кармана с десяток серебряных монет и протянул их парню.

— На память о том, что хорошие поступки не забываются, — сказал он тихо.

— С-спасибо, — прошептал Мика, крепко сжимая монеты в кулаке.

Что за богатство! Аж столько денег? Неужели удача повернулась к нему лицом?

Но Харон не убрал руку. Вместо этого он порылся в другом кармане и достал тонкую кожаную верёвочку с небольшим костяным амулетом. Резьба на нём была непривычной — какие-то древние руны, переплетённые в сложный узор красных линий.

— И это тоже возьми, — Харон накиннул амулет Мике на шею, заправив его под рубашку.

Кость была прохладной и гладкой на ощупь. От неё исходило едва ощутимое тепло, словно внутри тлел крошечный уголёк.

— Послушай совета, — продолжил Ходок, наклонившись ближе. — Турнир начнётся через несколько дней. Когда начнутся бои — не высовывайся. Такие турниры всегда приносят реки крови. Особенно в конце дня, когда все нажираются и спорят о том, чей кандидат сильнее. До этого, в приюте, ты был в безопасности. А так... Лучше купи лекарство сестре и спрячьтесь.

— Что это за амулет? — нахмурился Мика.

Харон положил тяжёлую руку на плечо парня:

— С учётом того, что я видел в той пещере... лучше никогда не снимай. Мир меняется и не в лучшую сторону. Амулет поможет, когда придёт время. Не спрашивай как — просто верь.

— Спасибо, — искренне прошептал Мика, прижимая амулет к груди сквозь ткань.

— Не благодари, — отмахнулся Харон. — Просто выживи.

Ходок отступил на шаг назад, его фигура начала расплываться в ночной тьме.

— Будь осторожен, Мика. Мало хороших, добрых людей осталось. Останься собой.

И он исчез — просто бесшумно растворился.

Парнишка остался один в пустом переулке, сжимая в кармане спасительные монеты. Он несколько минут смотрел в темноту, пытаясь сообразить о чём Харон говорил. Но так ничего и не понял, а бóльшую часть слов воспринял неоднозначно. Спятил он там, в этих глубинах, что ли?

Мика снова нахмурился, но тут из тьмы раздался знакомый, неприятный голос:

— Так-так-так... Вот так удача.

Из темноты медленно выступил Зверь. Главарь улыбался широкой, хищной улыбкой.

— Кого это мы тут встретили с полными карманами...

Глава 3

Мика замер.

Переулок был узким — идеальное место для засады.

— Интересный вечерок у тебя выдался, а? — Зверь шагнул вперёд, и тусклый свет из окна верхнего этажа выхватил его лицо.

Коренастый, широкоплечий, с этим уродливым шрамом через левую щёку. Говорили, что когда-то давно его полоснул собственный питомец.

— С самим Хароном пошептался, — продолжил бандит. — А теперь думаешь, что домой потопашь? Как бы не та-а-а-ак, парень.

Мика медленно отступил на полшага. Спина коснулась влажной стены. Мозг лихорадочно просчитывал варианты, как делал это всегда — привычка, вбитая годами выживания.

Бежать? Бесполезно. Его звери догонят за несколько ударов сердца, повалят, вцепятся в горло.

Драться? Ещё глупее. У Мики не было оружия, не было силы, не было ничего, кроме рук, которые умели только резать и шить. А если Зверь их сломает? Как тогда вообще работать? Нет, нужно...

Договориться.

Единственный шанс.

— Я заплачу, — сказал Мика, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Срок ещё не вышел. Два дня есть, сам сказал.

— Срок? — Зверь хохотнул, смех был похож на лай. — Какой срок, парень? Я просто пожалел тебя с сестрой, а сейчас денег у тебя мно-о-о-ого.

Он сделал ещё шаг. Между ними осталось не больше двух метров.

— А значит — плати сейчас.

Протянул руку ладонью вверх. Жест был ленивым, почти дружеским. Так просят угощение. Но глаза над этой рукой не улыбались.

— Всё отдай. И разойдёмся. Красиво, мирно, без лишнего шума.

Всё?

Мика почувствовал, как внутри что-то сжалось в тугой, болезненный узел. Серебро в кармане — каждая монета — это его надежда! Сейчас денег хватало, чтобы выдохнуть хотя бы на пару недель. Уйма времени, чтобы заработать ещё, придумать что-нибудь.

А теперь что? Опять играть со смертью наперегонки?

На миг Мика представил, как его сестра умирает. Не мог выгнать эти образы из головы. Чёрная кровь будет расплзаться по венам. Сначала шея, потом грудь, потом лицо. Боль станет невыносимой. Она будет кричать по ночам, а он будет сидеть рядом и держать её за руку, потому что больше ничего не сможет сделать.

А потом она перестанет кричать.

— Ходок тебя убьёт, — вырвалось у Мики. Голос дрогнул, и он возненавидел себя за эту слабость. — Он дал эти деньги. Узнает, что ты забрал их...

Зверь от души расхохотался.

— Ходок? — он вытер выступившие слёзы тыльной стороной ладони. — Парень, ты дурак или прикидываешься? Харон уже исчез. А когда появится в следующий раз — через пять лет? Десять?

Он развёл руками, словно извиняясь.

— Не дури, Мика.

Шаг ближе. Ещё один.

Теперь парнишка чувствовал его кислое дыхание.

— Давай сюда. По-хорошему.

Мика не двинулся.

Это было глупо. Он понимал, что глупо. Разум кричал: отдай, выживи, найдёшь другой способ. Но руки сами прижались к карманам, защищая звенящее там серебро, и он НИЧЕГО не мог с этим сделать.

Пальцы сомкнулись на монетах сквозь ткань — твёрдые, тёплые от тела кружочки.

Ника.

Её бледное лицо всплыло перед глазами. Улыбка, которую она всё ещё пыталась выдавить, когда он приходил домой.

Как дела, жабий мастер?

Она всегда верила, даже когда не за что было верить.

— Нет, — слово вылетело тихо, но твёрдо. Мика сам удивился, услышав его.

Зверь перестал улыбаться. Лицо изменилось — словно маску сняли. Под напускным добродушием обнажилась холодная, расчётливая жестокость человека, который привык получать своё.

— Нет?

Он произнёс это слово так, будто пробовал на вкус что-то незнакомое.

— Ты сказал мне «нет»?

Первый удар Мика даже не увидел.

Кулак врезался в живот — точно под рёбра, в солнечное сплетение. Воздух вышибло из лёгких одним рывком. Мика согнулся пополам, рот открылся в беззвучном крике, руки инстинктивно прижались к животу, но парень резко дёрнул свою сумку.

Лишь бы по Тине не попал!

Второй удар — в челюсть, снизу вверх. Голова мотнулась назад, затылок врезался в стену. Искры брызнули перед глазами, во рту стало солёно — он прикусил язык, и хлынула горячая кровь.

Мика упал на колени.

Камни мостовой впились в коленные чашечки. Но руки всё ещё прижимались к карманам. Даже сейчас, полуослепший от боли, он защищал деньги.

— Упрямый щенок, — процедил Зверь.

В голосе не было злости. Только холодное удивление.

Удар ногой в рёбра опрокинул Мику на спину. Боль прошла бок, но он успел перебросить сумку. Что-то хрустнуло, он не понял, что именно — может, ребро, может, просто хрящ.

Попытался свернуться, закрыться, защитить хотя бы голову. Но следующий пинок пришёлся в почку — и мир взорвался белой вспышкой.

Боль была такой, что он не смог даже закричать.

Просто лежал, разинув рот, и смотрел в тёмное небо между крышами.

Ещё удар. В бедро.

Ещё один. В плечо.

Зверь бил методично, без спешки. Не калечил насмерть, но и не щадил. Каждый удар был рассчитан — причинить боль, сломать сопротивление, показать, кто здесь хозяин.

Мика потерял счёт времени.

Потом избиение прекратилось.

Грубые руки рванули его за ворот, перевернули на спину. Ткань затрещала, но выдержала. Лицо Зверя нависло сверху.

— Сам виноват, — сказал он почти ласково. — Я по-хорошему хотел.

Пальцы полезли в карманы. Мика дёрнулся, попытался оттолкнуть руку, но тело не слушалось — мышцы отказывались подчиняться, каждое движение отзывалось вспышкой боли.

Серебро звякнуло, покидая карман.

Монета за монетой. Мика слышал, как они падают в ладонь Зверя — тихий перезвон, похоронный колокол по его надеждам.

— Неплохо, — хмыкнул бандит, пересчитывая добычу. Монеты поблёскивали в тусклом свете, переходя из руки в руку. — Ходок щедрый оказался. Теперь это моё.

Серебро исчезло в кармане Зверя.

Мика лежал на холодных камнях, глядя в никуда. Внутри было пусто — та особая пустота, которая приходит, когда надежда умирает. Он знал это чувство. Испытывал его в приюте, когда окончательно понял, что проживёт тут до восемнадцати. Испытывал год назад, когда болезнь Ники вернулась.

Но каждый раз находил силы подняться. А сейчас сможет?

Нет, слишком больно.

ДОСТАЛО!

— А это что?

Голос Зверя изменился, зазвучал с любопытством и жадным интересом.

Пальцы что-то нащупали. Кожаная верёвочка натянулась, впиваясь в шею.

Мика вздрогнул.

— Отдай, — прошептал он сквозь разбитые губы. Даже не знал, почему. Амулет был просто безделушкой — кость и верёвка, красивые руны. Но Харон смотрел так серьёзно, когда надевал его. «Поможет». — Это не... не ценное...

— Ага, конечно.

Зверь дёрнул шнурок.

Кожа обожгла шею. Верёвочка лопнула, и амулет оказался в руке бандита. Он поднёс костяную подвеску к глазам, разглядывая в тусклом свете.

— Интере-е-сно. Я видел, как он давал его тебе. Шептались вы там, загадочные такие. Думал — может, записка какая, послание. А тут вон что, побрякушка.

Он повертел амулет в пальцах. Красные руны тускло блеснули.

— Ценная вещица, небось. Ходок просто так ничего не дарит. Заберу на всякий случай. Вдруг продать получится, а не получится — самому сгодится. Талисман на удачу, ха!

Амулет исчез в кармане — туда же, где лежало украденное серебро.

Мика закрыл глаза.

Деньги. Амулет. Всё, что у него было этим вечером — всё забрали.

Попытался приподняться, но рёбра отозвались такой болью, что перед глазами потемнело. Он снова упал на камни, тяжело дыша. Во рту скопилась густая, солёная кровь. Сплюнул в сторону, красное пятно расплылось на сером булыжнике.

— И вот ещё что.

Зверь присел рядом на корточки. Движение было плавным, почти дружеским — так садятся, чтобы поговорить по душам. Лицо со шрамом оказалось совсем близко.

— За дерзость, — сказал он тихо и почти интимно. — За то, что заставил меня руки марать. За то, что посмел сказать «нет».

Пауза. Зверь наслаждался моментом, как гурман — редким блюдом.

Мразь.

— Долг твой теперь не двенадцать серебряков. Семнадцать. Понял? Было шесть с рыла, стало восемь с половиной. Накинул пятёрку сверху — за науку.

Семнадцать серебряных.

У Мики не было даже одного. И взять было неоткуда.

— Через два дня ты отдашь мне остаток, — продолжал Зверь, поднимаясь. Отряхнул колени, поправил куртку. — И попробуй только не принести. Сестрёнку твою я лично заберу, если что.

Он наклонился ещё раз, почти прикоснулся губами к уху Мики.

— Или с собой рядышком оставлю...

Развернулся и пошёл прочь.

Шаги гулко отдавались от стен — размеренные такие, неторопливые. Шаги человека, который получил всё.

Мика остался один.

Он лежал на холодных камнях переулка, смотрел в небо и тихонько плакал. Вот бы кто-то пришёл к этому Зверю и просто уничтожил его. Ну почему он такой СЛАБЫЙ!

ПОЧЕМУ?!

Где-то справа капала вода, слева шуршали крысы, копошась в куче мусора. Обычные звуки трущоб — фон, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать.

Рёбра горели огнём при каждом вдохе. Лицо распухало, левый глаз уже почти не открывался. Во рту стоял привкус крови и поражения — тяжёлый, как будто наглотался ржавчины.

Сколько он так пролежал?

Минуту. Может, десять. Или час? Время потеряло значение.

В голове была та звенящая пустота, которая приходит после катастрофы — когда случилось самое страшное, и думать больше не о чем.

Ника.

Мысль пришла откуда-то издалека, пробилась сквозь туман боли.

Она же ждёт! Ника больна. Ника умрёт без лекарства.

Он должен вернуться.

Мика попытался встать и тут же рухнул обратно. Ноги не держали, колени подгибались, мышцы отказывались работать. Тело было одной сплошной раной.

Тогда он пополз.

Просто не смог встать. Потому перевернулся на живот, упёрся локтями в камни и потянул себя вперёд. Сантиметр. Ещё один. Острые края булыжников впивались в кожу сквозь тонкую рубашку, каждое движение отзывалось вспышкой боли в избитых рёбрах.

Но он полз. А спустя пару минут всё же смог подняться на ноги.

Выбрался из переулка. Свернул направо — знакомая улица, он ходил здесь тысячу раз. Мимо покосившегося сарая, мимо колодца с треснувшим ведром, мимо дома вдовы Марты, которая иногда давала ему чёрствый хлеб.

Люди обходили его стороной.

В трущобах не принято задавать вопросы. Шатается человек в крови — его дело. Может, заслужил. Может, не повезло. Каждый сам за себя, и кто сунется помогать — тот следующий.

Мика не винил их. Он бы тоже прошёл мимо.

Дверь в их дом показалась через целую вечность. Последние метры преодолел, цепляясь за стену.

Лестница далась тяжелее всего.

Ступени скрипели под руками, перила шатались. Он поднимался, оставляя на дереве тёмные мазки крови. Каждый этаж — передышка, минута, чтобы отдышаться и собраться с силами.

Второй, и, наконец, Третий. Последний.

Дверь в их каморку была приоткрыта. Сквозь щель пробивался слабый свет — огарок свечи, который он оставил для Ники.

Мика ввалился внутрь.

Привалился к косяку, хватая ртом воздух. Перед глазами плыло, комната качалась, как палуба корабля в шторм.

Ника спала.

Она лежала на узкой кровати у стены, укрытая тонким одеялом. Да, оно было ветхим, в нескольких местах просвечивало насквозь, но Ника кутала в него ноги и говорила, что теплее одеяла на свете нет. Она просто делала так, чтобы брат не заботился ещё и об этом пустяке.

Лицо её было бледным — тем особенным оттенком, который дают болезнь и недосып. Волосы разметались по подушке, грудь поднималась и опускалась в ровном ритме — лекарство ещё действовало.

Чёрные вены на шее почти не проступали, но Мика видел их. Тонкие линии под кожей, едва заметные в свете свечи. Паутина, которая опять вернулась и медленно расползалась.

Сегодня — шея. Завтра — ключицы. Через неделю — грудь.

Он знал, как это выглядит в конце.

Мика сполз по стене на пол.

Прижал руку к рёбрам — боль была почти утешительной. Напоминала, что он ещё жив. Что ещё может что-то сделать.

Но что?

Денег нет. Долг вырос с двенадцати до семнадцати — сумма, которую он не заработает и за месяц. Через два дня Зверь придёт снова. Придёт за сестрой.

А лекарство...

Мика закрыл глаза.

Подвёл.

Снова подвёл.

Как тогда, в приюте, когда старшие мальчишки избивали его друга, а он прятался за углом — маленький, трусливый, бесполезный. Как год назад, когда их выгнали на улицу, и он не смог найти нормальную работу. Тот самый год, когда болезнь вернулась с новой силой, а он не нашёл денег вовремя.

Как сегодня.

Всегда одно и то же. Он старался, работал, цеплялся за любую возможность — и каждый раз что-то шло не так. Судьба забирала всё, что он добывал. Оставляла его с пустыми руками, разбитым лицом и отчаянием в груди.

Ника тихо вздохнула во сне.

Её пальцы дёрнулись, сжались в кулачок, потом расслабились. Губы шевельнулись — она что-то неразборчиво бормотала. Так по-детски.

Мика смотрел на сестру.

Единственный человек в мире, ради которого стоило жить. Единственная причина вставать по утрам, работать до кровавых мозолей, терпеть унижения и побои. Без неё — зачем всё это?

Он должен её защитить.

Должен найти деньги, купить лекарство, вылечить. Увезти отсюда — из этих проклятых трущоб, подальше от Зверя и его банды, куда-нибудь, где светит солнце и не пахнет гнилью.

Вместо этого он сидел на полу в темноте, избитый, ограбленный, беспомощный.

Нужно что-то придумать. Но мысли путались, расплывались. Боль пульсировала в висках, в рёбрах, в каждой клеточке тела.

Украсть? Он не вор, не умеет. Попросить в долг? Не у кого. Убить Зверя? Смешно даже думать.

Нужно... А что нужно?

Ника снова вздохнула.

Свеча догорала, тени ползли по стенам. Где-то за окном кричала ночная птица.

Мика не знал, сколько им осталось.

Но точно знал одно — он не сдастся, потому что выход уже есть.

Он найдёт того торговца со странным зверьком. Как же его звали?

Точно! Фукис.

А на утро его встретила боль.

Мика очнулся на жёстком полу, свернувшись калачиком возле стены.

Спал он урывками, просыпаясь каждый раз, когда случайно поворачивался на повреждённый бок. Левый глаз распух окончательно, превратившись в болезненную щель, сквозь которую мир казался размытым и тусклым.

Плечо горело.

Когда он попытался приподняться на локте, весь торс взорвался болью — мышцы заскрипели, суставы застонали в знак протеста.

Сквозь единственное окно пробивались первые лучи солнца, превращая пыльный воздух в светящуюся завесу. Мика проследил взглядом, как эти пыльные вихри поднимаются от его движений, закручиваются и медленно оседают на потёртые половицы.

Где-то за тонкими стенами их дома просыпался квартал. Скрипели соседские двери, хлопали ставни, раздавались приглушённые голоса. Кто-то ругался, кто-то кашлял. Привычная симфония трущоб.

Сегодня она резала слух.

Ника ворочалась на кровати. Даже сквозь дрему он слышал, как она сглатывает, словно во рту пересохло до боли. Тонкое одеяло сбилось, обнажив худенькие плечи и шею.

Мика заставил себя подползти к ней, игнорируя протесты разбитого тела. Каждое движение давалось как подъём на гору.

То, что он увидел, заставило его замереть.

Чёрные вены на шее Ники вернулись и стали заметнее.

Проклятье.

— Мик? — слабо открыла глаза сестра, медленно поворачивая голову в его сторону. Движение далось ей с видимым трудом. — Господи, что с твоим лицом?

Голос звучал хрипло, будто она всю ночь кричала.

— Поскользнулся в переулке, — солгал он, медленно поднимаясь и хватаясь за стену. — Темно было, не заметил лужи.

Парнишка знал, что сестра легко заметит ложь. Но ещё он знал, что она промолчит.

Ника прищурилась, изучая его лицо тем пристальным взглядом, который она унаследовала ещё из детства в приюте. Даже больная, она всегда чувствовала ложь.

Мика видел, как в её глазах борются знание и желание поверить. Видел, как она взвешивает — стоит ли выяснять правду.

— Принеси воды, пожалуйста, — попросила она тихо, голос дрожал от слабости. — Во рту пересохло. Такое ощущение, будто песку наелась.

Мика кивнул и направился к ведру в углу и налил воды в единственную чистую кружку. Руки дрожали, и несколько капель упало на пол.

Вернувшись к сестре, он помог ей приподняться. Ника была пугающе лёгкой, словно болезнь высасывала из неё не только жизнь, но и саму плоть.

Она пила мелкими глотками, морщась от каждого движения горла. Мика придержал её ладони своими, чувствуя, как её кожа горит лихорадкой.

— Лекарства больше нет, — констатировала она спокойно, ставя пустую кружку на пол. В её голосе не было ни упрёка, ни надежды — только усталое понимание.

— Знаю, — ответил Мика. — Сегодня куплю новое.

— На что? — Ника посмотрела на него с той печальной мудростью, которая приходит к людям перед смертью. — Мик, у нас нет денег.

Вместо ответа он молча достал из тумбочки припасы, купленные вчера — кусок копчёной свинины, который ещё источал аппетитный запах дыма и специй, и буханку свежего хлеба с золотистой корочкой.

Отрезал ломтик мяса старым ножом — лезвие было тупое, пришлось пилить.
— Ешь, — протянул он ей еду.

Ника послушно взяла бутерброд, но жевала без аппетита, словно пища превратилась в солому. Каждый глоток давался ей с видимым трудом — она морщилась, будто хлеб причинял физическую боль. Крошки падали на одеяло, и она смахивала их рукой.

Мика смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то медленно, неотвратно ломается.

Просто размывается, растворяется — та часть души, которая всю жизнь упрямо твердила, что если очень-очень постараться, если работать до кровавых мозолей, если никогда не сдаваться, то всё обязательно получится.

Красивая, утешительная, убийственная ложь.

Сколько можно?

Сколько можно жить в страхе, в грязи, довольствуясь подачками? Сколько можно смотреть, как единственный дорогой человек умирает, а ты ничего не можешь сделать, потому что родился не в том месте, не в то время, не в той семье?

Хватит.

Хватит быть «жабым мастером», который убирает отбросы за медяки. Хватит прятаться по углам, бояться лишний раз поднять голову, жить так, словно он не имеет права дышать тем же воздухом, что и богачи.

У него есть дар.

Редкий, бесценный навык, которого нет ни у кого из встреченных им людей. Ни у кого нет! Он может видеть болезнь зверя, понимать её, исцелять без магии — тем способом, который считается варварским, но который работает там, где бессильны самые опытные целители.

И если молодой торговец готов платить десять серебряков просто за информацию о таком человеке, то сколько он заплатит за встречу с ним лично?

Мика медленно поднялся и подошёл к треснутому зеркалу на стене.

Лицо, смотревшее на него из мутного, разбитого стекла, было чужим.

Левый глаз превратился в фиолетовую щель. Губа разбита, запёкшаяся кровь треснула при попытке улыбнуться. На правой щеке красовался синяк размером с кулак.

Но в единственном открытом глазу горела холодная, твёрдая решимость человека, которому нечего терять.

Он устал бояться.

— Ника, — сказал он, не оборачиваясь, продолжая смотреть в зеркало. Голос звучал ровно, спокойно, без привычной неуверенности. — Сегодня к вечеру у нас будут деньги. Много денег.

— Мик... — в голосе сестры прозвучала тревога.

— Не спорь, — оборвал он тихо и направился к выходу. — Просто поверь мне.

— Куда ты идёшь?

Мика обернулся и посмотрел на неё — на осунувшееся лицо, на чёрную паутину вен под кожей, на дрожащие руки. На единственного человека в мире, ради которого стоило рискнуть всем.

— Кое-кто обещал заплатить мне серебром, — ответил он и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Путь от трущоб до богатого квартала превратился в испытание на выносливость.

Мика шёл медленно, каждые несколько минут останавливаясь у стен домов. Рёбра нестерпимо горели — особенно левая сторона, где кулак Зверя нашёл самую болезненную точку. Несколько раз его едва не стошнило прямо на мостовую.

Но он упрямо брёл вперёд, шаг за шагом преодолевая расстояние между своим миром и чужим.

С каждой улицей мир менялся, словно он путешествовал не по городу, а между разными планетами.

Грязные переулки, где вонь помоев смешивалась с дымом очагов, уступали место широким проспектам, вымощенным ровным булыжником. Покосившиеся лачуги из гнилых досок и соломы сменялись добротными домами из белого камня.

Даже запахи здесь были другими.

Да и воздух казался чище — без примеси дыма, копоти и сырости, которые въелись в лёгкие всех обитателей трущоб.

Мика натянул капюшон как можно глубже, пытаясь скрыть избитое лицо. В богатом квартале появление оборванца всегда вызывало подозрения — особенно утром, когда в открытых трактирах завтракали преуспевающие торговцы. А теперь ещё и будущие участники турнира.

Прохожие инстинктивно сторонились его, словно нищета была заразной болезнью.

Элегантные дамы поджимали губы и отворачивались. Мужчины окидывали его подозрительными взглядами, рука невольно ложилась на рукоять меча.

На их месте Мика поступил бы точно так же — любой чужак из трущоб мог оказаться вором, убийцей или просто сумасшедшим.

Таверна «Единорог» высилась в самом сердце квартала, как храм, посвящённый богатству и роскоши.

Массивное здание сияло в утренних лучах солнца. Колонны у входа были украшены искусной резьбой — виноградные лозы обвивали каменные стволы, между листьями прятались фигурки фей. Над массивными дубовыми дверями, окованными медью, возвышалась голова единорога размером с живую лошадь.

Резьба была настолько детальной, что казалось — мифическое существо вот-вот оживёт.

Перед входом, на мраморных скамьях, восседали двое охранников в кожаных доспехах. Броня была качественной — не самодельные латы из городской стражи, а настоящая военная экипировка. На предплечьях обоих виднелись татуировки Звероловов.

Рядом с каждым лежали их питомцы.

У первого охранника — массивный пёс.

У второго — рысь с ледяными глазами, в которых была только холодная, хищная пустота. Зверь лежал неподвижно, но Мика чувствовал, как тот следит за каждым его движением.

Парень не знал, сколько у них зверей в ядре, но оба этих питомца были явно боевыми. Их хозяева не просто охраняли вход — они были готовы убить любого, кто посмеет нарушить покой заведения.

Мика подошёл к ним, стараясь держаться увереннее, чем чувствовал. Сердце колотилось где-то в горле, рёбра ныли от каждого вдоха, но он заставил себя выпрямиться и посмотреть охранникам в глаза.

— Мне нужно попасть внутрь, — сказал он, останавливаясь в нескольких шагах от входа.

Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Охранники медленно перевели на него взгляды и оценили с ног до головы. В их глазах мелькнуло презрение, смешанное с удивлением от такой наглости.

Секунду они молчали, переваривая услышанное. Потом первый фыркнул. Второй хмыкнул. А через мгновение оба громко расхохотались.

— Слышал? — обратился первый ко второму, даже не удостоивая Мику взглядом. — Оборванец хочет в «Единорога». Может, ему ещё и столик у окна заказать? С видом на фонтан?

— А то, — подхватил второй, неспешно поднимаясь со скамьи. — И благородное вино в придачу. Из личных запасов хозяина. Только сначала пусть покажет кошелёк.

Он подошёл ближе, нарочито медленно разглядывая потрёпанную одежду Мики, синяки на лице и стоптанные сапоги. В его взгляде читалось то же отвращение, с которым рассматривают дохлую крысу.

— Давай-ка, парень, убирайся отсюда. Пока по-хорошему просим, — в голосе появились стальные нотки. — А то мой Клык уже зубы точит. Он не любит, когда нищие портят вид нашего заведения.

Пёс поднял массивную голову и медленно оскалился. Зубы у него действительно были серьёзными. Угрожающее рычание звучало как скрежет мечей о камень.

Слюна стекала с клыков и падала на пол, оставляя тёмные пятна.

На миг в воображении парня появились картины, как этот пёс разрывает Тину, лежащую в сумке. Мика мотнул головой.

— Вы не понимаете, — упрямо продолжил он, стараясь не показать страх, который поднимался из глубины живота. — Мне нужен торговец. Молодой мужчина с таким странным зверьком... Фукис! Вот! Он сам сказал мне вчера, что его можно найти здесь.

Охранники снова переглянулись. В их взглядах промелькнуло что-то вроде удивления — видимо, они не ожидали, что оборванец знает кого-то из постояльцев.

— Ага, конечно, — протянул первый с издёвкой. — И наверняка он твой лучший друг с детства, да? Небось, золотые горы тебе обещал?

— Убирайся, пока цел, — добавил второй, положив руку на рукоять меча. Сталь зазвенела, выходя из ножен на палец. — Больше предупреждать не буду.

Ледяная рысь поднялась и бесшумно подошла ближе. Её лапы не производили ни звука, но холод, исходивший от зверя, чувствовался кожей.

Мика сжал кулаки, игнорируя острую боль в рёбрах. Все его инстинкты кричали не связываться с теми, кто сильнее. Но перед глазами стояло лицо Ники.

Он не отступит. Не сегодня.

— Послушайте...

— А вот и не будем слушать, — оборвал его первый охранник, поднимаясь с лавочки и распрямляя широкие плечи. — Иди попрошайничай где-нибудь в другом месте.

Он шагнул к Мике, явно намереваясь силой выпроводить назойливого нищего. Пёс рядом с ним напрягся всем телом, готовясь броситься по первой команде хозяина. Шерсть на загривке встала дыбом.

Мика отступил на полшага, но с места не сдвинулся. Ноги словно приросли к полу.

— Проблемы, мальчики?

Низкий голос прозвучал совсем рядом... Но он был наполнен такой естественной властью, что оба охранника мгновенно замерли!

Даже их питомцы настороженно подняли головы, почувствовав присутствие чего-то опасного.

Мика медленно обернулся.

К ним приближалась девушка — и он сразу понял, что никого подобного в жизни не встречал.

Она двигалась с такой грацией! Грацией большой кошки, точно!

Каждый шаг был точным и выверенным — так ступают те, кто привык полагаться на быстроту реакции и смертоносную точность. Высокая, стройная, она была одета в тёмную кожу, которая облегала каждую линию фигуры, не скрывая, а подчёркивая природную силу и гибкость.

Чёрные волосы были туго стянуты на затылке, но несколько непокорных прядей выбились и обрамляли лицо.

Но больше Мику поразили глаза.

Золотистые, яркие, красивые. Глаза настоящего хищника! Такие холодные, оценивающие и смертельно опасные. Когда её взгляд скользнул по Мике, у него возникло ощущение, что его просвечивают насквозь, оценивают как потенциальную добычу или угрозу.

— Лана... — выдохнул один из охранников, и в его голосе прозвучало нечто среднее между восхищением, страхом и глубоким уважением.

Даже его пёс поджал хвост и отошёл на несколько шагов, инстинктивно подчинившись более сильному хищнику.

— Я тут всего день, а вы уже запомнили моё имя? — удивилась она, останавливаясь рядом с Микой. — Кого вы тут обижаете?

В её голосе не было угрозы. Только интерес и лёгкое недоумение — как у человека, который обнаружил что-то неожиданное.

— Да никого, — поспешно ответил второй охранник, торопливо пряча меч обратно в ножны. — Просто... просто оборванец пытается пролезть в заведение. Мы ему объясняем правила...

— Какие именно правила объясняете? — перебила Лана, и в её голосе появились ледяные нотки.

Зрачки сузились до тонких щёлочек, превращая золотистые глаза в настоящие кошачьи.

Охранники переглянулись с видимой тревогой. Оба явно знали эту девушку и понимали, что лучше её не злить. Их самоуверенность испарилась, как утренний туман.

— Он... он говорит, что ищет торговца, — неохотно пробормотал первый, нервно поглядывая на свой питомца. — С каким-то зверьком... Мы думали, он просто...

— С круглым зверьком, — твёрдо добавил Мика, поднимая голову и глядя прямо в золотистые глаза. — Фукис. Большие глаза, размером с кулак. Как мячик!

Брови Ланы с любопытством изогнулись. Она внимательно изучила его лицо, и парень отвёл взгляд.

Блин...

Потом её взгляд скользнул по одежде, задержался на мозолистых руках, покрытых мелкими шрамами от работы.

Мика чувствовал себя неудобно. Каждая деталь его внешности, каждая черта характера словно проходили через какой-то невидимый анализ.

— Интересно, — протянула она задумчиво, и в голосе появилась нотка искреннего любопытства. — И зачем тебе этот торговец, мальчик?

— У меня есть информация, которая его заинтересует, — ответил Мика, стараясь говорить уверенно.

— Какая информация?

Мика колебался всего секунду. Потом решил рискнуть — всё равно терять было нечего:

— О том, кого он искал вчера вечером. О лекаре, который лечит без магии. Руками. Он просил прийти!

Золотистые глаза вспыхнули интересом. Лана чуть наклонила голову — движение было грациозным и Мика почему-то не к месту подумал, что влюбился.

— Понятно, — медленно кивнула она и повернулась к охранникам. — Этот человек проходит со мной.

— Но... — начал было первый, но слова застряли в горле, когда её взгляд упал на него.

— Я плохо расслышала, — сказала она тихо, и зрачки сузились до острых, как лезвия, щёлочек. — Ты сказал «но»?

Температура воздуха словно упала на несколько градусов. Даже утреннее солнце показалось менее тёплым.

— Проходите, — поспешно выпалил охранник, отступая в сторону и увлекая за собой своего питомца. — Конечно, проходите. Извините за недоразумение.

Лана удовлетворённо кивнула и жестом указала Мике на вход.

— Идём, мальчик. Посмотрим, что ты нам сообщишь.

Парнишка на мгновение замер.

Она сказала «НАМ»?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.